

тонович справедливо считает полностью оправданным. Хотя, конечно, для него союзнические отношения с Россией – это безусловный и незыблемый приоритет белорусской внешнеполитической стратегии. По его мнению, образование Союзного государства «стало важным фактором геополитического развития Европы». Ведь, «русские – близкородственный нам народ, Россия – дружественное государство». А Союзное государство он называет «экспериментальным полигоном», на котором готовилось более широкое объединение – Евразийское экономическое сообщество. Несмотря на имеющиеся конфликты, российско-белорусские отношения, «как они проявились в Союзном государстве и теперь в ЕАЭС, – это новая геополитическая реальность, динамично развивающаяся система, которая весьма активно влияет на ситуацию в мире» [1, с. 36–38].

Таким образом, воспоминания государственных деятелей Беларуси являются ценным источником по проблеме изучения внешней политики страны, в том числе и белорусско-российских отношений. Однако, несмотря на констатацию факта важности развития разносторонних связей с Москвой всеми авторами воспоминаний, далеко не все из них уделили должное внимание рассмотрению белорусско-российских отношений. Наиболее полно данная проблематика получила отражение у В.Ф. Кебич, П.К. Кравченко и частично у И.И. Антоновича. В книгах С.С. Шушкевича и С.Г. Шарецкого белорусско-российские отношения практически не рассмотрены. Оценки их развития у авторов воспоминаний также различные. Если И.И. Антонович положительно оценивает сотрудничество двух дружественных государств и считает, что руководством Беларуси и России все делалось правильно, поэтому и были достигнуты хорошие результаты в двусторонних отношениях, то В.Ф. Кебич всячески подчеркивает правомерность именно своих действий в отношении Москвы, которые позволили добиться многого. Развитие же современных белорусско-российских отношений зачастую оценивает скептически. Такой же подход превалирует и у П.К. Кравченко. Оценки деятельности белорусских властей на российском направлении у С.С. Шушкевича и С.Г. Шарецкого при всей фрагментарности рассмотрения ими взаимоотношений Минска и Москвы исключительно негативные. Свою работу в сфере белорусско-российских отношений они не рассматривают, лишь жестко крикуют действия А.Г. Лукашенко и Кремля.

1. Антонович, И. Уверенно идти своим курсом / И. Антонович // *Беларуская думка*. – 2017. – № 1. – С. 32–39.
2. Кебич, В.Ф. Беловежский гамбит / В.Ф. Кебич. – Минск : Торгово-финансовый союз «БТФС», 2013. – 336 с.
3. Кебич, В.Ф. Искушение властью: из жизни премьер-министра / В.Ф. Кебич. – Минск : Парадокс, 2008. – 480 с.
4. Косов, А.П. Отношение российского политического сообщества к интеграции России и Беларуси / А.П. Косов // *Наука – образованию, производству, экономике : материалы XXII (69) Регион. науч.-практ. конф. преподавателей, научных сотрудников и аспирантов, Витебск, 9–10 февраля 2017 г. : в 2 т. / Вит. гос. ун-т ; редкол.: И. М. Прищепа (гл. ред.) [и др.]*. – Витебск, 2017. – Т. 1. – С. 305–307.
5. Косов, А.П. Создание и функционирование Союзного государства в оценках российского экспертного сообщества / А.П. Косов // *Ценностные ориентации и историческое сознание населения белорусско-российского приграничья : материалы междунар. науч.-практ. конф.*, Витебск, 2 февраля 2017 г. / Вит. гос. ун-т ; редкол.: И. М. Прищепа (гл. ред.) [и др.] – Витебск, 2017. – С. 160–163.
6. Косов, А.П. Союзное государство в оценках прозападных политических сил Беларуси / А.П. Косов // *Беларусь в современном мире = Беларусь у сучасным свеце : материалы XV Международной конференции, посвященной 95-летию образования Белорусского государственного университета, 27 октября 2016 г. / редкол.: В. Г. Шадуцкий (пред.) [и др.]*. – Минск : Изд. центр БГУ, 2016. – С. 36–38.
7. Кравченко, П.К. Беларусь на распутье, или правда о Беловежском соглашении: записки дипломата и политика / П. К. Кравченко. – М. : Время, 2006. – 456 с.
8. Шарэцкі, С. Абаронім наш дом – Беларусь : артыкулы, даклады, заявы / С. Шарэцкі. – Вільнюс : Выдавецтва ULA, 2000. – 168 с.
9. Шушкевич, С.С. Моя жизнь, крушение и воскрешение СССР / С. С. Шушкевич. – М. : РОССПЭН, 2012. – 471 с.
10. Юрчак, Д.В. Создание Содружества Независимых Государств в мемуарах белорусских государственных деятелей / Д. В. Юрчак // *Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития : сборник научных статей. Вып. 4 / сост. Е.А. Достанко; редкол.: А. М. Байчоров (гл. ред.) [и др.]*. – Минск : Изд. центр БГУ, 2016. – С. 206–219.

Синецкая Э.А.

ЛИТЕРАТУРА МОЛОДЫХ КИТАЙСКИХ АВТОРОВ КАК ИСТОЧНИК ПО СОЦИАЛЬНЫМ ВОПРОСАМ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ

Культурологи и литературоведы находят у художественной литературы три главных социальных функции: эстетическую (в иных качествах могущую быть так называемо развлекательной), социально-коммуникативную и информирующую, или познавательную. В отличие от литературоведов меня вовсе не интересует изучение жанров, творчества отдельных писателей, ощутимо ли было влияние модернизма или иных направлений в современной китайской литературе и т.д. Но то, что новая китайская литература – «явление не только литературное, но и общественно-политическое и культурно-историческое», «выходило далеко за пределы собственно литературного процесса» и «оказывало значительное влияние на понимание культуры, на становление новой мен-

тальности, на формирование новой личности» [8], с этим мнением литературоведа не согласиться нельзя. «Писатель – свидетель своего времени», и литература свидетельствует, «по какому календарю» живёт общество, в средостенье которой она родилась [12]. А российский прозаик настаивает на своём убеждении «в том, что литература всегда ставит социальный диагноз, литература такая, какая она есть. И дело не в том, написана она на "тройку", "четверку" или "пятерку", а в том, что все-таки это скол нашей современной жизни. Поэтому тот, кто возьмет на себя труд эти... произведения прочесть и над ними поразмыслить, он, может быть, сделает какие-то социальные выводы о том, что происходит с Россией, с русским обществом» [11].

Занимаясь историей проникновения идеологии феминизма в Китай [7], я поняла, что заниматься чтением официальных документов практически бессмысленно, ибо они говорят преимущественно об идеологии государства по любому вопросу (даже скорее о том, что хотело бы государство представить в качестве своей идеологии). Научных публикаций было немного, к тому же основное внимание в них уделялось женскому движению, в том числе революционному. Однако ничего не говорилось о реальной жизни людей, существующих в ареале действия этих бумаг и чаще, кстати, живущих в определённом параллельном им мире. Посему я обратилась к китайской литературе, которая с периода движения «за новую культуру» (с 20-х годов прошлого века – тому периоду истинной культурной революции, происходившей в Китае) развивалась просто таки взрывообразно. Той литературы, которая, по, на мой взгляд, авторитетному утверждению марокканского романиста и поэта Тахара Бенжеллуна (живет в Париже, пишет по-французски, лауреат Гонкуровской премии), появилась «на Востоке в её западном понимании с проникновением в данную национальную среду идеологемы индивидуализма» [12].

Произведения китайских авторов 20–30-х годов показывает, что внешний вид китайцев резко менялся, естественно, прежде всего – в больших городах. Мужчины сменили халат на одежду европейского кроя, нередко, на военную форму. А новые женщины Китая стремились едва ли не в первую очередь поменять архетип женщины, сложившийся исторически. Они меняли стиль одежды, макияжа и, самое главное, стиль поведения. Есть интересный пассаж в рассказе Мао Дуня «Комедия» [5 с. 8], относящийся этому периоду, который касается преимущественно внешнего вида и поведения женщин (а «женщина с её напряжённой эмоциональностью живо и непосредственно впитывает особенности своего времени, в значительной мере обгоняя его» [4, с. 46]). «Да, мир действительно переменялся! – думает человек, отбывавший срок в тюрьме, то есть на определённое время выключенный из городской жизни. – Женщины обстригли волосы, стали красить губы, румянить лицо, разгуливать с обнажёнными плечами, выпятив грудь и вихляя бедрами. Появилось много кинотеатров, всюду сверкала реклама...». И автор далее пишет: «Что скрывается за всем этим, Хуа ещё плохо понимал. Несомненно для него было одно: революция свершилась» (выделено мною. – Э.С.). Но и всё, что необходимо для понимания внутреннего мира женщины в этот переломный период, можно также было получить только через художественные произведения, особенно из романов Мао Дуня [6]: сведения о том, как китайская женщина приходила к новой самоидентификации, как вела себя в новых условиях, какие сложности и трудности (как внутреннего, так и внешнего плана) приходилось ей преодолевать на пути к эмансипации.

Или возьмём роман Цянь Чжуншу «Осаждённая крепость» [9], являющийся прекрасной иллюстрацией столкновения традиционалистских взглядов и новых веяний в 30–40-ых годах XX века в Китайской республике, данной на примере семейной жизни практически уже «новых» китайцев. Супружеская чета, добровольный союз которых образовался в процесс совместной работы в провинциальном вузе и очень не простой дороги домой в Шанхай, с большим трудом преодолевает не столько проблему естественной для молодых семей «притирания» в быту, сколько внутрисемейных конфликтов, скорее – отношений с родителями и родственниками, «отягощённых» почти обязательным наличием проблем взаимодействия супругов как представителей различных культур. Культурно-цивилизационное пространство в Китае, в тот период особенно, даёт основание говорить о некоем «цивилизационно-смешанном браке» (не смотря на то, что эти слова обычно используются в обсуждении проблем расово-смешанных браков [3, с. 11]).

Что касается современности, то следует, прежде всего, учесть, что реформа начала 70-х годов XX века – ещё один резкий и очень результативный рывок в экономическом развитии и культурном Китае. Политика открытости как составляющая и неотъемлемая часть новой экономической стратегии, прежде всего, должна была быть направлена на реформирование международных отношений и отражала понимание прочной связи возможностей модернизации Китая с включением страны в глобальные процессы. Но определённая сцепленность между чисто,

казалось бы, экономическим явлениями и прочими сферами жизни страны «имело место быть», хотели этого идеологи реформ или нет. В результате произошло определённое ослабление тоталитарной власти, появление некоторой свободы слова, относительной демократизации политической и общественной жизни, открытости западному миру и в культурном отношении, большей свободой творческой деятельности.

Интересно отметить, что по прошествии полувека внешний вид и стиль поведения женщин вновь выступает иллюстрацией происходящих в обществе изменений. Так в рассказе Вэй Вэй «Женщина. Да Лаочжэна» [1], действие которого происходит в «древнем городке» близ Гуанчжоу, где «как жили люди во времена битв Сян Юя и Лю Бана, так живут и сейчас» [1, с. 296], но «самые удивительные изменения, которые несли новые времена, были заметны, прежде всего, в облике жительниц нашего города». Скажем, в Гуанчжоу начали женщины пользоваться губной помадой, а «буквально через какие-то полтора года и у нас распространилась мода на косметику». С одной стороны, утверждается, что «сколько веяний не было, мы успевали угнаться за всеми», но с другой – «у нас тут не то место, где перемены налицо, но новому мы открыты», а начинается всё с обсуждения вопросов реформ, бизнеса, проблем экономики, «по-скольку все это были новые словечки» [1, с. 297]. В этой же повести показаны и последствия характернейшего и важного для реформ расширяющегося миграционного процесса в стране. Естественно, это прежде всего касается трудовых ресурсов. Но не только. Через какое-то время после доносящихся в городок разговоров про реформы, «сюда стали приезжать люди из других мест, которые приезжали сюда налаживать бизнес (кто-то богател, кто-то прогорал, в конце концов, одна партия приезжающих уезжала, а взамен прибывала новая)» [1, с. 297]. Они одевались иначе, вели себя совсем по-другому, местным казалось, что этим людям удалось повидать мир. В общем, с их появлением «городок обрел новое дыхание, что заставило нас вспомнить такие слова, как “раскрепощение”, “приморский район”, “Гуандун” и т.п.» [1, с. 298]. В стране появляются частные предприниматели, самого разного калибра, и расселяются по стране, как бы разнося по городам и весям эти «зёрна» предпринимательства.

Произведения современных писателей Китая рассказывают нам о проблемах гендерного дисбаланса, о возобновившейся практики так называемых вторых и временных жён (не только дельцов и коррупционеров, но и людей с меньшим достатком), о сиротстве и его последствиях, о наличии киллеров (что может свидетельствовать о продолжающейся деятельности ОПГ в стране), о новой стратификации китайского общества и много-много ещё о чём. Известный современный писатель Юй Хуа говорит в Предисловии к своей книге «Десять слов про Китай» [10, с. 7]: «Мой роман родился из встречи двух эпох: периода культурной революции, фанатичного, подавляющего естественные человеческие чувства, корежащего судьбы, и нашего времени перевернутой морали, вседозволенности и бесконечного человеческого многообразия. Китай периода культурной революции и нынешний – все равно что средневековая и нынешняя Европа. Чтобы прожить эти две эпохи, далекие друг от друга как небо и земля, западному человеку потребовалось бы четыреста с лишним лет, а китайцы сделали это за сорок. Бури четырех веков сгустились в четыре десятилетия – поистине неоценимый опыт!» Но при этом оптимизме как бы забывается о том, что западное Средневековье являлось продолжением (или итогом) предшествовавшего развития т.н. западной цивилизации, в котором немалую роль играло христианство. В результате, с существованием особого типа личности «на определённом этапе Средневековья Запад начал выходить за пределы, в которых развивалось традиционалистское общество» [2, с. 298]. Значительно более чем миллиардному населению современного Китая весьма присущи синкретизм и многокультурность, но традиционализм жив не только в крестьянской среде. В определённой ситуации он может «вторгаться» в социально-психологическое состояние, поведенческую психику представителей иных слоёв, в том числе и являющихся, казалось бы, уже «новыми» китайцами. И всё это прекрасно иллюстрируется современной китайской литературой.

Проза новой генерации литераторов Китая бесспорно является репрезентативными текстами, формой, пусть и особой, предоставления знаний о внешней тексту действительности, что имеет право и должно быть осмысленным.

1. Вэй Вэй. Женщина Да Лаочжэна // Сорок третья страница. Китайская проза XXI века / пер. с кит. яз. – СПб.: КАРО. 2011. – С. 295–318.
2. Гуревич, А. Я. Индивид. Статья для возможного в будущем «Толкового словаря средневековой культуры» / А. Я. Гуревич // От мифов к литературе. Сб. в честь семидесятилетия Е. М. Мелетинского. – М.: РГГУ, 1993. – 352 с.
3. Крылова Н. Л. Столкновение культур в пространстве социосемейных отношений. Русско-африканский прецедент // Н. Л. Крылова, С. В. Прожогина. Гендерные аспекты конфликтов. Столкновение эпох и культур глазами русских в Африке и североафриканцев в Европе. – М.: Институт Африки РАН, Сер. Гендерные исследования. – Т. 11. – 2010. – 410 с.

4. Лотман, Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX в.) / Ю.М. Лотман. – СПб. : Искусство, 1994. – 711 с.
5. Мао Дунь. Рассказы. – М. : Гослитиздат, 1960. – 63 с.
6. Мао Дунь. Сочинения в трёх томах. – М. : Гослитиздат, 1956. – 464 с., 564 с., 372 с.
7. Синецкая, Э. Феминизм в Китае (или Дорога, длиною в полтора столетия) / Э. Синецкая; ИВ РАН. – М., 2010. – 469 с. (Депонировано в ИНИОН РАН).
8. Хузиятова Н.К. Модернистские тенденции в творчестве китайских писателей 1980-х годов как поиск идентичности в контексте глобализации. Автореферат: 10.01.03. Востфак СПбГУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/modernistskie-tendentsii-v-tvorchestve-kitaiskikh-pisatelei-1980-kh-godov-kak-poisk-identich>. Дата доступа: 03.03.2014.
9. Цянь Чжуншу. Осаждённая крепость / пер. с кит. яз. – М.: Худож. лит., 1989. – 511 с.
10. Юй Хуа. Десять слов про Китай / пер. с кит. яз. – М. : Астрель. 2012. – 224 с.
11. Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.svobodanews.ru>. – Дата доступа: 03.06.09.
12. Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.svoboda.org/cИгорьПомеранцев>. – Дата доступа: 13.11.2014.

Сангаре Ш.К.

СМИ КАК ИСТОЧНИК, ОТРАЖАЮЩИЙ ОТНОШЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ МАЛИ К ПРОТИВОСТОЯНИЮ С ТУАРЕГАМИ И ИСЛАМИСТАМИ

Современная Республика Мали является примером развития демократии в Африке, что стало возможным после свержения военной диктатуры Муссы Траоре в 1991 году. Однако, к сожалению, на долю малийского народа выпало много испытаний, которые были обусловлены активным влиянием извне (со стороны бывшей метрополии и основных центров силы в регионе), внутренними проблемами и противоречиями. Одним из ключевых дестабилизирующих факторов была этническая ситуация в стране, которая объяснялась сосуществованием на территории Мали многочисленных народов и народностей. Исторически именно в зоне Сахеля происходит разделение «белой» (арабы, туареги) и «чёрной» Африки. Поэтому конфликты на национальной почве здесь развивались на протяжении веков, а появление малийской государственности обострило отношения с кочевыми племенами туарегов, который исторически также высказывали претензии на образование собственного государства Азавад за счёт севера Мали и территории других стран региона.

Восстания туарегов на севере Мали не были редкостью, однако после свержения главного покровителя туарегов Муаммара Каддафи, использующего воинственные кочевые племена для продвижения собственной внешней политики, тысячи туарегов, служивших в элитных подразделениях Ливии, вместе с семьями были вынуждены бежать в Мали, что изменило расклад сил в регионе и создало предпосылки для нового антиправительственного выступления. В конце 2011–2012 гг. на севере Мали появились политические объединения туарегов, выступающие за независимость Азавада, и началось военное противостояние с малийскими войсками.

С этого времени конфликт на севере страны стал одной из главных тем для малийских печатных СМИ, которые отражали интересы различных политических сил и партий. Вместе с тем, стоит отметить, что влияние газет в стране, в которой только треть населения умеет читать, не сильно велико и распространяется в основном на политическую и экономическую элиту. Тем более, что почти все газеты в стране выходят на французском языке, а национальные языки многих народов пока только формируют собственную письменную традицию. Поэтому во многом содержание малийских изданий является отражением позиций политической и интеллектуальной элиты страны.

В результате конфликта между югом и севером в стране образовался информационный вакуум. Сложно было обеспечить поступление объективной и точной информации о состоянии дел по обе стороны противостояния. Местные корреспонденты перестали предоставлять материалы редакциям в Бамако. Многие журналисты бежали на юг, опасаясь за себя и своих близких. Всё это лишало малийские СМИ надёжных источников информации в регионе. На юге деятельность СМИ также развивалась не в самой простой обстановке. В условиях политического противостояния некоторые силы и группы влияния пытались захватить частные и государственные СМИ, особенно во время выступления военных, которые свергли президента Амаду Тумани Туре, но под давлением извне вынуждены были отказаться от власти в пользу законных властей.

Освещение конфликта на Севере в малийских СМИ чаще всего было односторонним и полностью отражало позицию правящей политической элиты страны. Несмотря на расхождения в политических воззрениях, различные издания и радиостанции объединяло одно – стремление вернуть северные земли в состав страны. Отличались только взгляды на методы достижения этой цели и то, кто из политических деятелей страны способен воплотить намеченное на практике. То есть развернулась внутривнутриполитическая борьба, которая привела к активному противостоянию.